

На правах рукописи

Скусен

Кусмауль Светлана Михайловна

**СТАНОВЛЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НОРМ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2018

Работа выполнена в отделе лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка ФГБУН Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела лингвистического
источниковедения и истории русского литературного языка
ФГБУН Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
Плетнева Александра Андреевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики
Института филологии и межкультурной коммуникации
имени Льва Толстого ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
Новак Мария Олеговна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»
Николенкова Наталья Владимировна

Ведущая организация: кафедра русского языка Института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится 18 октября 2018 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета
Д 002.008.01 при ФГБУН Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН по адресу:
119019 г. Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка
имени В. В. Виноградова РАН

Полный текст диссертации размещен на сайте: www.ruslang.ru

Автореферат разослан « _____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук

Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению изменений орфографической нормы в книгах церковной печати второй половины XVI – первой половины XVII в., а также истории формирования орфографической системы, которая сложилась к середине XVII в. до никоновской книжной sprawy. Если никоновская реформа церковнославянского языка описана достаточно полно¹, то история книжной sprawy второй половины XVI – первой половины XVII в. еще не изучена.

Таким образом, **актуальность** темы исследования обусловлена тем, что вопросам развития орфографической системы церковнославянского языка великорусского извода до начала никоновских реформ практически не уделялось внимания. Тем не менее, орфографическая регламентация производилась с начала книгопечатания, и уже к середине 1640-х гг., до реформ патриарха Никона, сформировалась та орфографическая система церковнославянского языка, которая будет определять исправления и второй половины XVII в. История орфографической нормы церковнославянского языка во второй половине XVI – первой половине XVII в. раскрывает новые аспекты в изучении книжной sprawy XVII в.

В соответствии с этим **предметом** нашего исследования явилась орфографическая норма церковнославянского языка великорусского извода в печатных изданиях на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII в.

Источниками для исследования послужили старопечатные книги второй половины XVI – первой половины XVII в. из собраний Российского государственного архива древних актов, Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки, а также некоторые рукописные книги из собрания Государственного Исторического музея. В числе исследованных книг были и корректурные экземпляры. Кроме того, для сопоставления орфографических норм изданий с правилами грамматик привлекались печатные и рукописные грамматики

---

¹ Успенский Б. А. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Вопросы языкознания. М., 1969. № 5. – С. 80–103; Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Избранные труды. М. 1996. Т. 1. – С. 477–519; Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 433–471; Сиромаха В. Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во 2-ой половине XVII в. (на материале склонения имен существительных), дис. ...канд. филол. н. М., 1981; Страхова О. Б. «Московский» тип Четвего Апостола и текстология на Московском Печатном дворе // Palaeoslavica. (Cambridge Mass.). 2005. Vol. 13. № 1. P. 158–227.

XVI–XVII вв. и рукописные орфографические трактаты XVI–XVII вв.² Годы работы справщиков уточнялись по приходно-расходным книгам Московского Печатного двора (РГАДА ф. 1182).

Цель диссертационной работы – проследить развитие орфографической нормы во второй половине XVI – первой половине XVII в., установить этапы ее развития и выявить принципы, на которых основывалась орфографическая система.

В соответствии с данной целью были поставлены следующие **задачи** исследования:

1) описать и проанализировать последовательные изменения в употреблении дублетных букв и надстрочных знаков, происходившие на каждом этапе рассматриваемого периода: 1) во второй половине XVI – начале XVII в., 2) в 1620–1630-х гг., 3) в 1640-х гг.;

2) охарактеризовать орфографические принципы, сменявшие друг друга;

3) определить, какие справщики занимались редактированием богослужебных книг на разных этапах становления орфографической нормы;

4) сопоставить орфографические нормы каждого этапа с орфографическими правилами церковнославянских грамматик XVI–XVII вв., установить связь орфографических правил грамматик и орфографической нормы, представленной в текстах, указать, какие нормы изданий соответствуют нормам грамматик, а какие отличаются от них;

5) выявить черты, характерные только для определенного этапа развития орфографической нормы;

6) осмыслить место орфографических изменений в общем процессе книжной sprawy XVII в.

Эти задачи решаются с использованием общенаучных **методов** описательно-сопоставительного, интерпретационного и метода количественного анализа.

Описательно-сопоставительный метод используется при сравнении написания одних и тех же слов в одних и тех же текстах разновременных изданий. Количественный метод позволяет проанализировать употребление дублетных букв и надстрочных знаков с точки зрения статистики: какому графическому средству

---

² Некоторые из этих трактатов опубликованы в: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. (Исследования по русскому языку). СПб., 1885–1895. Т. 1, отд. вып.; Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е.А. Кузьминовой. AION-SLAVISTICA. Annali dell'Institutio Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1, 2002.

отдавали предпочтение печатники и справщики, какова динамика введения орфографических новаций. Интерпретационный метод используется при обобщении материала, полученного сопоставительным и количественным методами, и установлении закономерностей развития орфографической нормы.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования заключается в том, что впервые предпринимается систематическое изучение развития орфографической нормы церковнославянского языка от Апостола Ивана Федорова до никоновской книжной справы.

Теоретическая значимость работы. Диссертационное исследование демонстрирует новый подход в изучении орфографии периода книгопечатания, представляющий не выборочное изучение какой-либо книги, а последовательное рассмотрение эволюции орфографических правил и принципов. Диахроническое описание орфографических изменений, подкрепленное количественными подсчетами, позволяет оценить степень введения новой орфографической нормы на каждом этапе ее развития. Возможность зафиксировать изменения нормы с точностью до дат выхода изданий, где то или иное явление появляется впервые, позволяет установить этапы формирования правил церковнославянской орфографии, проследить возникновение, взаимное влияние и конкуренцию различных орфографических традиций.

Практическая ценность данной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в общем курсе истории русского литературного языка. Выявленные черты каждого периода развития орфографической нормы могут быть использованы для анализа орфографической системы рукописных церковнославянских текстов XVII в.: орфографические особенности разных рукописей можно соотнести с орфографическими принципами печатных изданий и установить, какому периоду в истории орфографической нормы печатных текстов соответствует орфографическая система рукописи, изданиям 1620–1630-х гг. или изданиям 1640-х гг., или не соответствует никакому периоду. Описание орфографической системы, сложившейся в изданиях 1640-х гг., и сопоставление ее с нормами грамматики 1648 г. позволяет пересмотреть некоторые положения относительно орфографической стороны книжной справы второй половины XVII в. Изучение одного из аспектов книжной справы, ставшей причиной церковного раскола XVII в., позволяет внести существенные коррективы в выводы историков,

религиоведов, культурологов. Кроме того, материал данной работы может быть полезен современным редакторам церковнославянских изданий, так как истоки орфографической вариативности, вызывающей сложности при издании богослужебных книг, берут свое начало именно в 1640-х гг.

Апробация работы производилась на научных конференциях «Современная православная гимнография» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Центр по изучению церковнославянского языка), Москва, 13–14 декабря 2011 г.; Москва, 11–12 марта 2013 г.; Москва, 24–25 февраля 2014 г.; Москва, 9–10 марта 2016 г.; на XXVIII Международной научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» (РГГУ, Историко-архивный институт, Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин; РАН, Институт Всеобщей истории, Отдел специальных исторических дисциплин), Москва, 14–16 апреля 2016 г.

Основные положения диссертации отражены в пяти научных статьях.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Книжная справа XVII в. связана с именами справщиков. Смена справщиков на Московском Печатном дворе определяет изменения орфографических правил и принципов церковнославянского языка. В 1620-х – начале 1630-х гг. на Московском Печатном дворе главными справщиками были Арсений Глухой и Антоний Крылов. В 1640-х гг. работают уже старец Савватий, Шестак Мартемьянов и Захар Афанасьев, главными справщиками становятся Михаил Рогов и Иван Наседка, которые в 1648 г. переиздают грамматику Мелетия Смотрицкого.

2. В период справки 1620-х гг. основное внимание уделяется маркированию форм множественного числа с помощью буквы *омега* ω. Это осуществляется в любой морфеме слова любой части речи, что соотносится с установками грамматики Лаврентия Зизания. Орфографические особенности изданий 1620-х гг. связаны с орфографией Канонников, переписанных в 1616 г. Арсением Глухим, и с орфографическими особенностями одной московской рукописной анонимной грамматики, созданной в конце 1620-х – начале 1630-х гг.

3. Период 1640-х гг. является самым существенным для становления орфографических норм церковнославянского языка великорусского извода. В это время в московские издания вводится принцип антистиха, пришедший из греческого языка через югозападнорусское посредство. По принципу антистиха

противопоставляются омонимичные грамматические формы и семантические омонимы. В 1640-х гг. в московском изводе церковнославянского языка в отличие от его югозападнорусского извода принцип антистиха осложняется маркированием форм Р. и Д. п. мн. ч., которое возникает как ориентация на греческую грамматику.

4. Ориентацией на греческий язык в 1640-х гг. обусловлено изменение написания слов, заимствованных из греческого языка: из двух дублетных букв выбирается та, которая соответствует греческой букве. В результате этого формируется принцип транслитерации основ греческих лексем как принцип церковнославянской орфографии.

5. В 1640-е гг. развивается принцип, связанный с позицией в слове: употребление дублетных букв зависит от позиций начала/начала слова ($\text{ѣ}/\text{ѣ}$, $\text{ѡ}/\text{ѡ}$, $\text{ѣ}/\text{ѣ}$), после гласной/согласной ($\text{ї}/\text{н}$), в ударном/безударном положении в середине и конце слова ($\text{ѡ}/\text{ѡ}$).

6. Орфографическая справа 1640-х гг. предшествует изданию московской грамматики 1648 г., которая кодифицирует уже сложившиеся орфографические нормы. Отличия грамматики 1648 г. и грамматики Смотрицкого обусловлены различием орфографической нормы югозападнорусского и московского изводов церковнославянского языка XVII в.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка источников и четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы и сформулировано ее методологическое значение, описываются предмет и источники исследования, указывается его цель и основные задачи, характеризуются методы исследования, определяется его новизна, теоретическая и практическая значимость; представлены основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Орфографические особенности изданий второй половины XVI – начала XVII в.» рассматривается орфография старопечатных книг этого периода.

В **разделе I.1** дается обзор деятельности первых типографий и печатников в Московской Руси: анонимной типографии середины XVI в., первопечатника Ивана

Федорова (1564–1565), печатников Андроника Тимофеева Невежи (1587–1602), Ивана Андроникова Невежина (1603–1611), Анисима Михайлова Радишевского (1606–1610), Никиты Федорова Фофанова (1609–1618). Затем рассматривается деятельность Московского Печатного двора (далее МПД) после 1615 г.

В разделе **I.2**, а также в соответствующих разделах других глав **II.2**, **III.2** указываются издания и рукописные книги, привлекавшиеся для исследования в каждой главе.

Раздел I.3 посвящен описанию орфографической системы московских изданий Ивана Федорова. В **разделах I.4–I.7** рассматриваются правила употребления дублетных букв *ї/и*, *о/ѡ*, *з/ѣ* и акцентных знаков вариин/каморы, встречающиеся у московских печатников, которые отличаются от соответствующих правил у Ивана Федорова. Разное употребление указанных дублетов и акцентных знаков количественно сопоставляется в изданиях разных печатников второй половины XVI – начала XVII в. и МПД второй половины 1610-х гг. В **разделе I.8** обобщаются правила использования дублетных букв и акцентного знака каморы в изданиях рассматриваемого периода.

Орфографические особенности первопечатных книг связаны с развитием книгопечатания и определяются личностью печатников, работавших над изданием. В основе орфографической системы первых печатных богослужебных текстов лежит московская орфографическая традиция. Иван Федоров закладывает орфографическую традицию печатных книг, но не все его орфографические особенности принимаются в последующих московских изданиях. Печатник Андроник Невежа в отношении употребления дублетов *о/ѡ* в начале слова, *ї/и* в корне *-един-*, буквы *ѣ* в определенных корнях изменяет орфографическую традицию Ивана Федорова.

В Апостоле 1564 г. Ивана Федорова в начале слова печатается только буква *ѡ* (*ѡмѣннѣ*), в корне *-един-* преимущественно используется буква *ї*, которая своей узкой формой передает семантику единичности (*ѣдино́го*, *ї́ди́норѡ́днаго*), буква *ѣ* *зело* употребляется в начале слов *ѣлѡ*, *ѣлѡ*, *ѣмїѡ*, *ѣвѣрь*, *ѣліѣ* и их производных. Андроник Невежа в качестве маркера начала слова выбирает букву *ѡ* (*ѡ́чн*), в корне *-един-* отдает предпочтение букве *и*, а в словах *зѡ*, *зміѡ*, *звѣрь*, *зѣліѣ* выбирает букву

з земля (з сохраняется только в слове зѣлѡ и его производных). На эти орфографические особенности ориентируется Иван Невежин, а затем печатники МПД второй половины 1610-х гг.

В изданиях Анисима Радишевского и Никиты Фофанова в отношении указанных дублетов применяются другие правила. В Евангелии 1606 г. Анисима Радишевского в начале слова преобладает буква ѡ, а в середине слова с помощью букв о/ѡ отражается «украинский» принцип распределения фонем /о/ *открытое* (передается буквой о) и /ѡ/ *закрытое* (передается буквой ѡ); в словах зло, змя/змый, звезда иногда появляется буква з, что не характерно для изданий Андроника Невежи и Ивана Невежина.

В Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова начало слова оформляется преимущественно с помощью буквы ѡ, как у Андроника Невежи, а в середине слова буква ѡ ставится в некоторые рл. формы для выражения идеи множественности (вѡдѡмн, ѡбѡзѡн, мѡлнмз); слова злѡ, змѡ/змѡн, зѡѣръ печатаются с буквой з. Когда Никита Фофанов становится сотрудником МПД, орфография его изданий приводится в соответствие с орфографией других изданий МПД второй половины 1610-х гг. В Псалтири 1615 г. и Октоихе 1618 г. буква ѡ в середине слова не встречается, буква з печатается только в слове зѣлѡ.

Вероятно, на практику печатников влияли и рукописи, которые они использовали при подготовке своих изданий. Анисим Радишевский и Никита Фофанов не ориентировались на предыдущие аналогичные издания Андроника Невежи. Издания Анисима Радишевского и Никиты Фофанова, в свою очередь, не использовались при подготовке последующих изданий тех же богослужебных книг. Анисим Радишевский и Никита Фофанов напечатали слишком мало изданий, чтобы заложить традицию, на которую книжники будут ориентироваться в дальнейшем. Авторитет Андроника Невежи и его сына Ивана Невежина оказывается решающим для выбора орфографической системы печатных богослужебных книг второй половины 1610-х гг.

Если в распределении дублетных букв *ї/н*, *о/ѡ*, *з/з* прослеживаются свои особенности у каждого печатника, то изменения в употреблении акцентных знаков над односложными словами являются естественным процессом унификации. Наблюдавшаяся в рукописях XVI в. неупорядоченность в употреблении каморы, вариации и отсутствия акцентного знака над односложными словами отражается в Апостоле 1564 г. Дальнейшая история предполагает упорядочивание и выбор какого-то одного акцентного знака или его отсутствия. В изданиях 1590–1610-х гг. окончательного упорядочивания не происходит, но намечается тенденция в преобладании каморы над словами и словоформами *где, где, зло, ту, бе, но, то, кто, что, вси, вся, всю, все, се, мне, мы, ты, вы* (И. п. и В. п.) и др. Местоимения *ми, ти, си, мя, тя, ны* также начинают печататься с каморой, но примеров местоимений с каморой меньше, чем примеров без акцентного знака. Это обусловлено преимущественно слитным написанием этих местоименных форм с предшествующей или последующей словоформой.

В изданиях МПД второй половины 1610-х гг. сформировалась орфографическая система церковнославянского языка, ведущая свое начало от изданий Андроника Невежи. Именно от этой орфографической системы будут отталкиваться справщики начала 1620-х гг.

Во **второй главе** «Орфографические новации 1620-х гг.» описана орфографическая справа 1620-х гг. В **разделе II.1** приведено исследование приходно-расходных книг Московского Печатного двора и научной литературы, позволившее установить, что главными справщиками на Печатном дворе в начале 1620-х гг. становятся Арсений Глухой и Антоний Крылов. Эти справщики ранее в 1615–1616 гг. работали над исправлением богослужебных книг в Троице-Сергиевом монастыре под руководством Дионисия Зобниновского. С их деятельностью связано введение в богослужебные издания 1620-х – начала 1630-х гг. новых орфографических принципов в употреблении дублетных букв *ѣ/ѣ*, *ї/н*, *о/ѡ* и надстрочных знаков каморы и придыхания. Эти изменения описаны в **разделах II.3–II.6**.

В этот период появляется стремление выделять начало полнозначного слова с помощью буквы *ѣ* *широкое*, но это происходит преимущественно в начале полнозначных слов (*ѣгїпетьскїѡ*, *взѣвїлїн*). В начале форм презенса глагола *бѣѣти* и

связок перфекта буква ѣ употребляется значительно реже, чем в однозначных словах. В середине и конце слова употребляется буква е узкое (вѣліе).

Союз и, печатавшийся слитно с последующей словоформой, благодаря чему он воспринимался как часть фонетического слова, перед гласными передается в основном буквой і (іоуѣкрепѣ, іоиплѣнін), а перед согласными буквой ѣ (ѣрлѣ); это распределение соответствует общему правилу «ї перед гласными, и перед согласными». Одновременно дублеты і/ѣ используются для противопоставления sg. и pl. словоформ ѣже/ѣже, что является первым опытом снятия грамматической омонимии в изданиях Московской Руси.

Основным орфографическим принципом в изданиях 1620–1630-х гг. становится принцип маркирования pl. словоформ с помощью буквы ѡ. В 1620-х гг. в начале слова буква ѡ, введенная Андроником Невежей, заменяется на букву ѓ, а затем с появлением на МПД Арсения Глухого в этой позиции опять появляется буква ѡ, но только для маркирования pl. словоформ, в противоположность этому в sg. словоформах употребляется буква ѓ (да кѣплѣтъ вѡдѣ ѡблѣцы, глѣце бо на ѡблѣцѣ лѣгцѣ носѣмо нагѣло ѣтъ). В середине слова буква ѡ вводится во все возможные морфемы pl. словоформ (а также в предлоги), где присутствует /o/, при этом выделение какой-либо морфемы не является релевантным для справщиков (например: дарѡвѣз, слѡвѣез, добрѡтѣмн, ѡспрѣкн, вѣѡвѣкнми, пѡмрѣчѣнн, вѡзпѣемз, оуѣжѡшѣсѣ, крѣстѣхѡмѣсѣ, прѡтѣвѣлѣшнѣсѣ). Грамматическая мысль Московской Руси 1620-х гг. ознаменована полемикой о выборе показателя множественного числа. Рукописные великорусские редакции грамматики Лаврентия Зизания (Вильно, 1596 г.), которые содержатся в грамматическом сборнике 1622 г.³, протестуют против использования Зизанием буквы ѡ как показателя множественности в любой части слова⁴. Однако такой принцип применяется в анонимной рукописной великорусской грамматике⁵

³ РГБ, НИОР, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 336. Опубликовано: Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е. А. Кузьминовой. AION-SLAVISTICA. Annali dell'Institutio Univesitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1, 2002.

⁴ Грамматический сборник 1620-х гг. С. 22, 51, 156, 157.

⁵ ГИМ, Синодальное собрание № 734, 4°, лл. 1–102.

церковнославянской орфографии как маркирующий принцип (буквой *ω* и буквой *ї* в словоформе *їже*). Некоторая непоследовательность в применении этого принципа связана с характером орфографической нормы в этот период. Норма является однонаправленной: в маркированной форме маркирующее графическое средство возможно, но не обязательно. Например, в начале и в середине pl. словоформ могли быть как *ω*, так и *o*, однако в начале и в середине sg. словоформ буквы *ω* не могло быть; sg. словоформа *иже* могла записываться как с буквой *ї*, так и с буквой *н*, но в pl. словоформе *иже* буква *ї* не употреблялась, то есть в одном случае маркировались pl. формы, а в другом случае – sg. формы.

Период 1620–1630-х гг. является подготовительным к однозначному распределению букв относительно позиции в слове, которое будет последовательно осуществляться уже в следующий период книжной sprawy, в 1640-х гг.

Новый этап орфографической sprawy церковнославянского языка великорусского извода обусловлен сменой справщиков на МПД и изменением культурно-исторической ситуации. Описанию разных направлений sprawy 1640-х гг. посвящена **третья глава** «Орфографическая справа 1640-х гг.».

В конце 1630-х – начале 1640-х гг. на МПД вместо умерших Арсения Глухого и Антония Крылова начинают работать старец Савватий, вдовый дьякон Иван Иванов Селезнев и Шестак Мартемьянов. Главными справщиками становятся Иван Наседка и Михаил Рогов. Орфографические изменения начинаются в изданиях 1642–1643 гг. после вступления на престол патриарха Иосифа, ориентированного на расширение контактов с греками и с Юго-Западной Русью⁷. Постепенно принцип культурного изоляционизма, существовавший в эпоху предыдущих патриархов, сменяется принципом культурного универсализма⁸.

---

⁷ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 11–22, 32–42; Опарина Т. А., Шамин С. М. Иосиф, патриарх Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. XXV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 594–601.

⁸ Запольская Н. Н. Книжная справа XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования // Сб. докладов международной конференции «Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений, идей». Будапешт, 5–7 апреля 2000 г. Будапешт, 2000. С. 307; Запольская Н. Н. Книжная справа в культурно-языковых пространствах Slavia Orthodoxa и Slavia Latina // Славянское языкознание. XVIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 216; Опарина Т. А. «Книги литовской печати» в «спехране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2. С. 140–148.

перед гласными (прїимнѣ), как это рекомендовалось делать в грамматике Смотрицкого. Таким образом, для данных дублетов устанавливается однозначное распределение относительно позиции в слове.

Зависимость употребления дублетных букв от позиции в слове является проявлением позиционного принципа церковнославянской орфографии.

Лексико-морфологическое членение текста на слова предполагает осмысление морфологической формы и морфемной структуры слова. Одинаковые морфемы разных слов приводятся к единообразному написанию. Буква ѿ употребляется в префиксах/предлогах *о*, *об* независимо от числа словоформы, а буква ѡ – в начале корней. При этом предлоги/префиксы ѡ, ѡб противопоставляются остальным предлогам/префиксам, которые печатаются с буквой о: *ю*, *по*, *про* и др. Дополнительное распределение этих букв в начале словоформ (этимологически корень или префикс) связано с частеречной принадлежностью слова: в начале именных форм буква ѡ (ѡбнѣтели), в начале глаголов и отглагольных форм – буква ѡ (ѡбнѣгъ). Такое противопоставление именных и отглагольных словоформ является изобретением справщиков МПД и не зафиксировано ни в одной грамматике XVI–XVII вв.

Второе направление справки 1640-х гг. – ориентация на греческий язык – рассмотрено в **разделах III.8–III.16, III.18–III.19.**

В московскую книжность через югозападнорусское посредство проникает принцип антистиха (от греч. ἀντίστοιχον – противопоставление). Если в греческом языке противопоставление омофонов осуществлялось на основе их этимологии, то в церковнославянском языке противопоставление омонимичных грамматических форм и семантических омонимов осуществляется с помощью дублетных букв и акцентных знаков. Принцип антистиха становится основным принципом распределения дублетных букв в церковнославянском языке.

В 1640-х гг. буква ѡ перестает использоваться в начале и в середине рл. форм любых частей речи, показатель множественности переносится в конец слова: в последний слог основы или во флексию. Буква ѡ используется в основе и во флексии (-ѡвз) форм Р. п. мн. ч. и во флексии Д. п. мн. ч. (-ѡмз). В форме Р. п. мн. ч.

используются ω и камора по аналогии с греческим языком, где во флексии gen. pl. стояла *omega* ($\omega\nu$), а если флексия была ударной, то над ней стояло облеченное ударение ($\tilde{\omega}\nu$). По аналогии с буквой ω в церковнославянском языке в основе и флексиях ($-\epsilon\upsilon\zeta$, $-\epsilon\dot{\eta}$) этой формы появляется буква ϵ , соответствия которой нет в греческом языке. Употребление буквы ϵ распространяется и на флексии следующих грамматических форм: существительные Д. п. мн. ч. ($-\epsilon\mu\zeta$), И. п. мн. ч. ($-\dot{\eta}\epsilon$), П. п. мн. ч. ($-\epsilon\chi\zeta$), глаголы 1 л. мн. ч. ($-\epsilon\mu\zeta$).

Для одних из этих форм буквы ω , ϵ и камора выполняют дифференцирующую функцию, для других форм – маркирующую функцию. У существительных м. р. формы мн. ч. противопоставляются омонимичным формам ед. ч.: в основе слова в И. п. ед. ч. буквы $\omicron$, ϵ и акцентный знак оксия – в Р. п. мн. ч. буквы ω , ϵ и акцентный знак камора ($\text{прорóк}\zeta/\text{прорó}\tilde{\omega}\zeta$, $\text{стрáстотéрпéц}\zeta/\text{стрáстотéрпé}\tilde{\epsilon}\zeta$, $\text{рáб}\zeta/\text{рá}\tilde{\omega}\zeta$); во флексии Т. п. ед. ч. буквы $\omicron$, ϵ ($-\omicron\mu\zeta$, $-\epsilon\mu\zeta$) – Д. п. мн. ч. (м. р. и ср. р.) буквы ω и ϵ ($-\omega\mu\zeta$, $-\epsilon\mu\zeta$): $\text{рáбó}\tilde{\omega}\zeta/\text{рáбó}\tilde{\omega}\mu\zeta$, $\text{пáстырe}\mu\zeta/\text{пáстырe}\tilde{\epsilon}\mu\zeta$. У существительных ж. р. и ср. р. в форме мн. ч. омонимии с формами ед. ч. не возникает, поэтому употребление букв ω , ϵ , знака каморы в основе форм Р. п. мн. ч. ($\text{вóд}\zeta$, $\text{жéн}\zeta$, $\text{мóу}\tilde{\eta}\zeta$, $\text{снá}\zeta$, $\text{чáд}\zeta$) и буквы ϵ во флексии Д. п. мн. ч. (ж. р.) $-\epsilon\mu\zeta$ ($\text{крóв}\tilde{\epsilon}\mu\zeta$) противоречит принципу антистиха и является маркированием форм мн. ч. Маркированием является и употребление букв ω и ϵ во флексиях $-\omega\upsilon\zeta/-\epsilon\upsilon\zeta$ ($\text{врáг}\tilde{\omega}\upsilon\zeta$, $\text{млáдéнц}\tilde{\epsilon}\upsilon\zeta$), $-\epsilon\dot{\eta}$ ($\text{крóв}\tilde{\epsilon}\dot{\eta}$), $-\dot{\eta}\epsilon$ ($\text{пáстыр}\dot{\eta}\epsilon$), $-\epsilon\chi\zeta$ ($\text{пчéлн}\tilde{\epsilon}\chi\zeta$) у существительных и $-\epsilon\mu\zeta$ у глаголов ($\text{по}\tilde{\epsilon}\mu\zeta$). Таким образом, принцип антистиха, пришедший через грамматику Смотрицкого, в московских изданиях и в грамматике 1648 г. осложняется принципом маркирования, в результате чего получается особая система, которую можно назвать «системой 1640-х гг.».

Для расподобления других омонимичных грамматических форм в это время применяется только принцип антистиха. Этот принцип будет применяться в последующих церковнославянских изданиях и, в целом, сохранится до настоящего времени.

Противопоставление грамматических форм с помощью пары о/ω в пределах одного грамматического числа реализуется у адъективов: во флексии Р. п. ед. ч. буква ω (моўдрагω, йскренагω) – во флексии В. п. ед. ч. буква о (моўдраго, йскренагω). Противопоставление по принципу антистиха осуществляется и на уровне морфем разных частей речи: в суффиксе наречий (и сходных с наречиями слов йакω, оўбω, тлакω) буква ω (нейзгланнω ёмѣцьши), во флексии кратких прилагательных ср. р. буква о (бѣго врэма).

Буквы з/ь на конце слова различают формы глаголов настоящего/будущего времени 1 л. мн. ч. с флексиями -емз/-нмз (ўбожэемз) и формы кратких страдательных причастий настоящего времени м. р. И. п. и В. п. ед. ч., оканчивающихся на -емь/-нмь (ўбожэемь). Буквы н/ы после шипящих у причастий, прилагательных и притяжательных местоимений нашз, вашз различают формы Т. п. ед. ч. (флексия -нмз) и Д. п. мн. ч. (флексия -ымз). Буквы л/а после шипящих различают формы причастий ед. ч. м. р. Р. п. и В. п. (флексия -а: поўца) и мн. ч. м. р., ж. р., ср. р. В. п. (флексия -а: поўца), а также формы притяжательных местоимений нашз, вашз ед. ч. ж. р. И. п. и В. п. (наша, ваша) и мн. ч. ж. р. И. п. и В. п., м. р. В. п. (наша, ваша). Буква а печатается во флексиях мн. ч. существительного дшл: дшл (И. п. и В. п.), дшлмз (Д. п.), дшлми (Т. п.), дшлхз (П. п.), где она противопоставляет формы И. и В. п. мн. ч. форме И. п. ед. ч. и маркирует Д. п., Т. п., П. п. мн. ч. После издания Г1648 в этом слове в формах мн. ч. И. п. и В. п. изменяется морфологическая норма: появляются новые флексии -н, -ы (доўши, доўшы). Однако в некоторых контекстах в форме В. п. мн. ч. флексия -а сохраняется и в изданиях XX–XXI в. Конкуренция новой орфографической и новой морфологической норм в И. и В. п. мн. ч. у существительного душа в 1640-х гг. показана в **приложении № 4**.

Принцип антистиха применяется к семантическим омонимам: дублиеты $\dot{\text{н}}/\dot{\text{л}}$ в начале слова используются для расподобления слов $\dot{\text{н}}\text{з}\dot{\text{ы}}\text{к}\text{з}$ 'народ' (греч. ἔθνος) и $\dot{\text{л}}\text{з}\dot{\text{ы}}\text{к}\text{з}$ 'орган речи, речь, язык пламени' (греч. γλῶσσα).

В целом, по принципу антистиха за формами ед. ч. закрепляются «узкие» буквы (ε, ο, λ), а также н после шипящих и знаки ударения оксия/вария, а за формами мн. ч. – «широкие» буквы (ϛ, ω, λ), ы после шипящих и знак ударения камора.

Под влиянием греческого языка возникает орфографический принцип транслитерации основ греческих лексем: из двух дублетных церковнославянских букв выбирается та, которая соответствует орфографии языка-источника (ο – о, ω – ω, φ – ф, θ – Ѡ, ξ – ѧ, ψ – ψ, ι – і, η – н, υ – ү/ѣ). Буквы ω, Ѡ, ѧ, ψ в заимствованных словах употреблялись и ранее, но это происходило неупорядоченно, вместо них могли быть буквы о, ф, ки, пи. В 1640-х гг. написание заимствованных слов приводится в соответствие с греческой орфографией.

Остальные разделы третьей главы посвящены некоторым частным вопросам орфографии.

В 1640-х гг. буква ю начинает печататься вместо буквы Ѹ во флексиях следующих грамматических форм: 1) имен ж. р. В. п. ед. ч.: существительных а-склонения (чѣшю), притяжательных местоимений нѣшз, кѣшз, кратких прилагательных и действительных причастий (нѣшю, нѣцю, рѣждѣющю), 2) глаголов в форме настоящего/будущего времени 1 л. ед. ч. (прѣложю, нѣлѣчю). Данное употребление является желанием выделить формы имен женского рода и 1 л. ед. ч. у глаголов. При этом в грамматике Смотрицкого предлагается выделять буквой ю глаголы только II спр., но московские издатели распространяют букву ю и на глаголы I спр.

В 1640-х гг. в словах сѣлѡ, слѡ, смѣл/смѣй, сѣѣрь, сѣѣздѣ, сѣліе и их производных вновь после Апостола Ивана Федорова появляется буква с. Традиция Ивана Федорова, прижившаяся в Юго-Западной Руси, отразилась в «Лексиконе»

Памвы Беринды и затем вернулась в Московскую Русь через посредство «Лексикона». Вторую часть этого словаря «Толкование имен» Михаил Рогов и Ивана Наседка использовали при подготовке раздела «Сословие имен» в грамматике 1648 г.

В системе надстрочных знаков в 1640-х гг. происходят следующие изменения: 1) камора заменяется на варию над односложными словами (гдѣ̆, мнѣ̆, вѣ̆, вѣ̆ӑ, вѣ̆ю̆, мѣ̆, тѣ̆, вѣ̆ и под.); 2) камора заменяется на оксию над словами с ударным последним или предпоследним условно «долгим» слогом (млнѣ̆тѣ̆ на молнѣ̆тѣ̆); 3) формы местоимений *ми, ти, си, мя, тя, ны* печатаются с варией или без акцентного знака; 4) знак придыхания устраняется в середине слова и остается только над начальной неприкрытой гласной слова; 5) появляются буквенные титла над сакральными словами (гдѣ̆, гжѣ̆, вѣ̆ӑ, вжѣ̆тѣ̆вѣ̆ и др.).

Над буквой *н* на месте /j/ в середине и конце слова появляется надстрочный знак «краткая», в результате чего появляется буква *ѣ̆*. Начинается этот процесс еще в 1620-х гг., но в 1640-х гг. он затрагивает почти все слова и словоформы. Исключением являются только адъективы в форме *И. п. ед. ч.* типа *сѣ̆тѣ̆н, койѣ̆вѣ̆шн* и некоторые другие.

Итак, в 1640-х гг. происходит существенная перестройка орфографической системы церковнославянского языка Московской Руси, которая затрагивает все пары дублетных букв, все надстрочные знаки и членение текста на слова. Орфографические нормы, сформировавшиеся в изданиях середины 1640-х гг., кодифицируются в московской грамматике 1648 г. Особенности орфографической справки 1640-х гг. обобщаются в разделе **III.22**.

Характер орфографической нормы в изданиях 1640-х гг. меняется по сравнению с изданиями 1620–1630-х гг. Если ранее орфографическая норма имела однонаправленный характер (можно, но не обязательно), то теперь норма становится двунаправленной (обязательно во всех случаях): идет противопоставление грамматических форм с помощью пар дублетных букв. К традиционному графическому средству выделения *рл.* форм, букве *ѡ*, добавляются буквы *ѣ̆ широкое* и *ѡ̆, ѡ̆* после шипящих. Идея передачи единичности «узкими» буквами (*ѣ̆, ѡ̆, ѡ̆*), а множественности «широкими» буквами (*ѣ̆, ѡ̆, ѡ̆*) сохраняется, но семантическое

понимание единичности и множественности исчезает. Грамматическое осмысление слова распространяется не только на категорию числа, как в предыдущий период, но и на категорию падежа, что отражается и в регламентирующих правилах грамматик, в которых говорится о необходимости различать омонимичные падежи и числа. Кроме того, противопоставление осуществляется в пределах одного числа у адъективов (ед. ч. Р. п. ѡ – В. п. о). Использование для противопоставления традиционной пары з/ь, не являющейся дублетной в строгом смысле слова, отступает от традиции и формирует новую норму. Буквы з/ь противопоставляют не sg./pl. формы и не формы падежей (как это было характерно для них в рукописной традиции и как это происходит у других дублетов), а слова разных частей речи (глагол з – причастие ь), что становится особенностью только великорусского извода церковнославянского языка в XVII в. Из системы противопоставления грамматических форм исчезает пара ї/н.

Позиция буквы в слове помимо однозначного распределения относительно начала/начала слова (для пар љ/ѣ, ѡ/ѡ, ѡ/о) осложняется морфемным разбором слова: для начала слова становится важной морфема – корень или префикс (для пары ѡ/ѡ). Появляется осмысление морфемного членения в конце слова (в суффиксе наречия ѡ / во флексии прилагательного о), что предполагает осмысление и морфологических характеристик слова.

Таким образом, в 1640-х гг. церковнославянская орфография связана с морфологической характеристикой и с морфемным членением слова, базируется на принципе антистиха, транслитерации основ греческих лексем и учитывает позицию в слове, что будет развиваться и далее (с незначительными изменениями) во второй половине XVII в.

Период 1640-х гг. является наиболее значимым этапом в истории формирования орфографической нормы церковнославянского языка. Уникальность орфографической справы 1640-х гг. заключается в том, что именно в это время сформировались основные орфографические нормы и принципы церковнославянского языка великорусского извода, которые применяются и при издании церковнославянских текстов Нового времени.

Заключение диссертационной работы отражает основные итоги исследования.

В истории церковнославянского языка великорусского извода, литературного языка Московской Руси, важное место занимают книжные справы. Особенно активно этот процесс шел в XVII веке. Орфографические изменения являются частью книжной справы церковнославянского языка, которая во второй половине XVII в. затрагивает и морфологию, и синтаксис, и текстологию.

Три этапа развития орфографии печатных книг (1) вторая половина XVI – начало XVII в.; 2) 1620–1630-е гг.; 3) 1640-е гг.) отражают процесс перехода от средневековой орфографической системы рукописных церковнославянских текстов к орфографической норме церковнославянского языка Нового времени.

Успехи печатного дела увеличивают роль специалистов-корректоров в формировании орфографической системы письма, а смена печатников и справщиков на МПД ведет к смене принятых орфографических правил.

Исконная дублетность графических средств церковнославянского языка задает вектор развития орфографической нормы: главной задачей является установление правил распределения дублетных букв и постановки акцентных знаков. Дублетные буквы в XVII в. не предполагали каких-либо фонемных различий. Система надстрочных знаков, заимствованная из греческого языка, также не совпадала со славянской акцентуацией: количественное ударение греческого языка не соответствовало динамическому ударению церковнославянского языка великорусского извода. Наличие нескольких графических средств для передачи одного фонемного состава и для выделения ударного слога приводит к орфографической вариативности. Развитие книгопечатания способствует устранению вариативности и разработке регламентирующих правил для дублетных букв и акцентных знаков. Распределение дублетных букв и акцентных знаков тесным образом связано с принципами слитного или раздельного написания слов в тексте.

Членение текста на слова не является собственно орфографической проблемой. Но слитное/раздельное написание служебных слов со знаменательными влияет на выбор дублетной буквы как в служебных словах, так и в начале знаменательного слова, кроме того влияет на выбор акцентного знака. Если служебное и знаменательное слово печатаются слитно, то они воспринимаются как одно графическое слово, а следовательно, дублетная буква в предлоге или союзе печатается в соответствии с общими правилами употребления дублетных букв.

Предлоги и союзы в этом случае не имеют единообразного написания. Когда служебное слово отделяется от знаменательного пробелом, оно воспринимается как самостоятельная единица и, следовательно, приобретает единообразное написание. Если односложное слово, оканчивающееся на гласную, печатается слитно со служебным словом, то в восприятии справщика оно становится двусложным словом, и, следовательно, вид акцентного знака над ним меняется. После отделения служебных слов акцентный знак над односложными словами во всех случаях становится одинаковым.

Развитие орфографической системы церковнославянского языка великорусского извода тесным образом связано с развитием грамматической мысли у восточных славян. Пришедшие в Московскую Русь примерно в 1620-х гг. югозападнорусские грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого способствуют развитию грамматического подхода к слову. При этом московские справщики не механически копируют орфографические правила югозападнорусских грамматик, а творчески их переосмысливают в соответствии со своими представлениями о норме. Созданная в Московской Руси в конце 1620-х – начале 1630-х гг. анонимная грамматика *Син734* фиксирует норму изданий 1620-х гг. Переиздавая грамматику Смотрицкого в Москве в 1648 г., Михаил Рогов и Иван Наседка вносят туда орфографические изменения в соответствии с московской орфографической нормой, разработанной в изданиях середины 1640-х гг.

В результате развития орфографической нормы к середине XVII в. вырабатываются основные правила и принципы церковнославянской орфографии Нового времени. Общее развитие правил употребления дублетов и надстрочных знаков во второй половине XVI – первой половине XVII в. представлено в **приложении № 1**.

Орфографические принципы церковнославянской орфографии эпохи книгопечатания изменяются на каждом этапе развития нормы.

На первом этапе развития орфографической нормы – во второй половине XVI – начале XVII в. – основным принципом распределения дублетов является позиционный принцип (начало/неначало слова/слога и перед гласной/согласной); при этом иногда применяется идеографическая передача значения единичности в корне *-един-*. На втором этапе – в 1620-х гг. – к позиционному принципу добавляется принцип маркирования pl. форм (буквой *ω*) и sg. формы *ѣже*, от которого потом

отказываются в 1640-х гг. На третьем этапе – в 1640-х гг. – формируются принцип транслитерации греческих основ и принцип антистиха с маркирующим дополнением.

Позиционный принцип основан на противопоставлении букв и графических вариантов по отношению к позиции в слове: начало/неначало слова/слога, после гласной/согласной, ударное/безударное положение. Его развитие от Апостола 1564 г. до 1640-х гг. обусловлено переходом от фонетического к лексико-морфологическому принципу членения текста на слова, постепенным освобождением от семантической и грамматической идеографичности и возникновением грамматического подхода к слову.

Принцип транслитерации основ греческих лексем в зачаточном виде существовал и в рукописной традиции, и в первопечатных книгах, но его окончательное формирование приходится на 1640-е гг. Принцип антистиха также формируется в 1640-х гг. В великорусском изводе церковнославянского языка этот принцип дополняется маркированием некоторых форм мн. ч., которое является подражанием греческой грамматике. Такое маркирование долго сохраняется в текстах, хотя и не оговаривается в грамматиках и орфографических руководствах последующих веков. Принцип маркирования проходит определенное развитие с 1620-х до 1640-х гг.: от маркирования всех возможных морфем любой части речи (буквой ѿ), когда учитывается только число словоформы, до маркирования определенных грамматических форм, когда учитывается число и падеж словоформы.

Принципы, по которым распределяются акцентные знаки, заимствуются славянскими книжниками из греческого языка: гравис (вария) ставится над последним слогом (в церковнославянском языке это последний неприкрытый слог), акут (оксия) ставится в остальных случаях. Особая ситуация возникает с облеченным ударением (каморой), изменения в употреблении которого происходят на всех трех этапах рассматриваемого нами периода. На первом этапе – во второй половине XVI – начале XVII в. – вариативными оказываются знаки каморы и вариы над односложными словами и словоформами, оканчивающимися на гласную. На втором этапе – в 1620-х гг. – эта вариативность сменяется однозначным распределением относительно искусственного признака «количества» гласных по образцу греческого языка, но только для односложных слов. На третьем этапе – в конце 1630-х гг. – такое распределение распространяется и на неодносложные слова, в связи с чем вариативными оказываются оксия/камора в середине слова и вария/камора над

конечной неприкрытой гласной. Однако подражательная система не может долго существовать в текстах. Употребление каморы, обусловленное искусственными правилами, исчезает из текстов уже в конце 1640-х гг. Для каморы сохраняется позиция в Р. п. мн. ч. существительных. В употреблении каморы принцип подражания греческой акцентной системе сменяется принципом антистиха.

Так различные принципы церковнославянской орфографии развиваются, пересекаются и дополняют друг друга, используя одни и те же графические средства (пары дублетов и акцентных знаков). Общая эволюция орфографических принципов в изданиях второй половины XVI – первой половины XVII в. представлена в **Приложении № 2**.

К началу 1650-х гг. сформировалась московская орфографическая норма церковнославянского языка, которая в своей основе не изменялась во второй половине XVII в. Определение орфографического узуса изданий 1640-х гг., не зафиксированного в грамматике 1648 г. или отличающегося от нее, представленное в **Приложении № 3**, позволяет рассматривать орфографические изменения второй половины XVII в. в новом ракурсе: не только с точки зрения соответствия нормам грамматики 1648 г., но и с точки зрения продолжения, развития орфографической традиции 1640-х гг. или отступления от нее.

Итак, орфографическая система не развивается изолированно, она связана с экстралингвистическими факторами и с развитием грамматической мысли. Развитие книгопечатания приводит к выработке единого орфографического стандарта для всех богослужебных книг. Грамматический подход к слову, возникший во второй четверти XVII в., формирует принципиально новый характер орфографии церковнославянского языка по сравнению с орфографией первопечатных книг, еще связанной с рукописной традицией. Орфографические нормы церковнославянского языка в 1640-х гг. и во второй половине XVII в. обусловлены лексико-морфологическим членением текста на слова и демонстрацией границы слова, зависят от морфологических характеристик слова и ориентированы на греческую грамматику и орфографию. Все эти особенности возникают как следование образцам греческого языка или югозападнорусского извода церковнославянского языка, но представляют собой не механическое копирование, а творческое переосмысление орфографических принципов.

Орфографическая справа, осуществленная в 1620–1640-х гг., явилась начальным этапом масштабной книжной справа XVII в. Первоначальные орфографические

изменения не вызвали протеста в обществе. Основной протест, приведший к церковному расколу во второй половине XVII в., породили уставные и текстологические изменения. Следовательно, возражения против ориентации на грамматику, высказывавшиеся многими старообрядческими авторами, связаны в первую очередь с текстологическими изменениями, хотя эти возражения и затрагивают некоторые грамматические и орфографические вопросы. Подвергаются критике те изменения, которые относятся к произношению сакральных слов (например, слов *сѣ́ый*, *и́иъ*) и которые изменяют привычное звучание молитв и песнопений. Орфографическую нормализацию 1640-х гг. общество восприняло как должное, так как эти изменения находились в русле стабилизации нормы печатных изданий и развивались постепенно.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. *Кусмауль С. М.* Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной sprawy середины XVII в. // Русский язык в научном освещении. № 1 (25). М., 2013. – С. 223–243. Объем 1,3 п. л.

2. *Кусмауль С. М.* Анонимная грамматика XVII в. и книжная справа 1620-х гг. // Русский язык в научном освещении. № 1 (31). М., 2016. – С. 227–248. Объем 1,1 п. л.

3. *Кусмауль С. М.* Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. Вып. 51. М., 2017. – С. 21–47. Объем 1,8 п. л.

Публикации в журналах, не вошедших в перечень ВАК РФ

4. *Кусмауль С. М.* Книжная справа 1640-х гг. // *Slověne=Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* Vol. 3. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – С. 72–101. Объем 1,5 п. л.

5. *Кусмауль С. М.* Эволюция принципов употребления буквы *w* во второй половине XVI века – первой половине XVII века // *Fontes Slavica Orthodoxa: Сборник научных статей / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого.* Olsztyn, 2016. – С. 89–134. Объем 2 п. л.